

НЕУЛОВИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЭКСМО

Валерий Борисович Гусев
Неуловимая коллекция
Серия «Дети Шерлока Холмса», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163324
Неуловимая коллекция: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет; М.;
ISBN 5-04-004648-0

Аннотация

Случайно подслушанная запись на кассете... и братья Дима и Алеша начинают новое расследование. У знаменитого художника украдена коллекция старинного оружия. Подозреваемых слишком много: крутой сосед братьев Вадик – Гадик, заезжий мошенник – француз, алкоголик Фролякин, директор магазина игрушек Карабас... Кто же из них похититель? Для того чтобы сделать правильный выбор, ребята готовы на все. Даже воспользоваться старой бормашиной своей бабушки...

Содержание

Глава I	4
Глава II	14
Глава III	24
Глава IV	39
Глава V	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Валерий Гусев

Неуловимая коллекция

Глава I

НА ПАПУ НАЕХАЛИ!

После Нового года мама уехала на несколько дней навещать бабушку, и дисциплина в доме сразу упала.

Посуду мы стали мыть раз в день, поздно вечером, через два дня на третий. Пылесос заперли в шкаф. А спать ложились чуть ли не под утро. Все втроем на одной тахте, в большой комнате, где стояла елка.

В темноте она загадочно мерцала своим убранством, отражая свет уличных фонарей, и пахла хвоей, когда из форточки на нее налетал холодный ветерок. Он слегка шевелил игрушки, раскачивал шары, и тогда казалось, что елка оживает и что-то тихонько шепчет. Должно быть, рассказывает о том, как хорошо в зимнем лесу...

А когда мы забирались под одеяло, папа нам тоже иногда что-нибудь рассказывал о своей нелегкой и опасной работе. Правда, рассказывал почему-то не страшное, а смешное. Будто он не в милиции, а в цирке работает.

И вот в ту самую ночь, когда все началось, он вспомнил

очередную историю про «Из шкафа выпал...».

Это было давно. Папа тогда еще не в Интерполе работал, а в уголовном розыске.

...Случилась квартирная кража. Сработала сигнализация. Милиция приехала очень быстро, но вора уже не застала.

В квартире все было перевернуто, но ничего особенного не пропало. Ну там, килограмм долларов, охалка золотых изделий и еще что-то по мелочи.

Опергруппа стала осматривать квартиру, искать следы. Сняли везде отпечатки пальцев, опросили хозяев и соседей, разработали план розыска преступника. И вот уже к вечеру, когда все устали и стали собираться по домам, вдруг распахнулась дверца шкафа и оттуда выпал... грабитель.

Оказывается, когда приехала милиция, он понял, что удрать не успеет, и от страха спрятался в шкафу. Он сидел и сидел там в полной темноте и в конце концов заснул. А во сне потерял равновесие и вывалился из шкафа. Вместе с долларами и золотыми изделиями. И нарушил весь план розыска.

– С тех пор, – сказал папа, зевая, – когда кому-нибудь из нас удавалось без особого труда или просто случайно задержать преступника, мы всегда говорили: «Ну да, он из шкафа выпал». Все, братцы, спать.

Спать... Я задремал, а тут Лешке (он по молодости лет спал у стенки) понадобилось... И он полез по нас своими острыми коленками. Я опять задремал, а тут он вернулся и полез обратно по нашим животам. Засыпая, я подумал: хо-

рошо, что мне не надо... Но через пять минут в моей голове уже поселилась мысль: ничего мне так не надо, как тоже встать и...

В общем, как только я окончательно уснул под утро, на тумбочке, прямо над головой, зазвонил телефон. И папа спросонок перепутал трубку с моим ухом, а потом, когда по-настоящему проснулся, то послушал, что ему говорят, и спросил:

– Что, где, когда? Машину выслали? – И стал быстро одеваться. А на пороге сказал: – Помоете посуду – давно пора. И на ужин что-нибудь приготовьте. Только, умоляю, не пельмени. – Он поморщился. – И, ради бога, не яичницу.

Мы согласились, у нас уже тоже аллергия на эту еду.

Вернулся папа очень поздно и очень усталый. Но мы его порадовали: встретили чистой посудой, в убранной квартире и таким вот классным ужином. Салатик отменный, супчик с грибочками, картошечка жареная с корочкой и маринованные огурчики. И компот из сухофруктов.

Папа очень обрадовался, что мама приехала, привезла от бабушки все эти деликатесы и приготовила их. Ну а мы ей, конечно, помогли. Пылесос в шкафу разыскали и помойное ведро три раза вынесли.

Когда папа поужинал, мы сели с ним пить чай, и он рассказал нам (что можно, он всегда рассказывает), что у известного московского художника Собакина украли необыкновенную коллекцию старинного оружия. Эту коллекцию он

давно, уже лет двадцать, собирался передать в музей, в дар государству. А теперь есть опасность, что она навсегда скроется за рубежом, попадет в частные руки богатого коллекционера. А ведь в ней, как сказал папа, собраны уникальные образцы оружия всех веков и народов. И даже какая-то редчайшая шпага каких-то французских королей.

Папа достал из «дипломата» фотографии этих редчайших творений великих древних мастеров и разложил их (фотографии, а не мастеров) на кухонном столе.

Чего там только не было! Пистолеты – с одним, с двумя, с шестью стволами, все украшены гравировкой, с фигурными курками. Кинжалы – кривые и прямые, со всякими драгоценными камнями на рукоятках. Сабли в разноцветных ножнах. А красивее всех была та самая шпага. С эфесом в виде черной чешуйчатой змеи, с красными рубинами вместо глаз. Она обвила рукоятку, и из ее распахнутой пасти, как острое жало, выбегал длинный блестящий клинок. Так и хотелось взять эту шпагу и помахать над чьей-нибудь вражеской головой.

Когда мы налюбовались этой красотой и попереживали, что она попала в воровские руки, папа собрал фотографии, а затем чуть не уснул прямо за столом.

И с этого вечера несколько дней мы его почти не видели. Он приходил очень поздно, усталый и мрачный, и ему часто звонили по ночам. Но потом папа повеселел, а в субботу вообще пришел очень довольный и радостно сообщил:

– Все, ребятки, разыскали мы и похитителей, и коллекцию! На днях их задержали, а уникальные произведения великих мастеров изыдем и вернем владельцу. Обрадуем старика Собакина!

Только вот не получилось. Ни задержать, ни изъять. Ни тем более обрадовать.

Получилось все наоборот. И даже хуже!

На следующий день, утром, мы с Алешкой собирались на каток, а папа спустился к почтовому ящику за своей любимой газетой «Петровка, 38». И вернулся мрачный, как волк в зоопарке. Газета торчала у него под мышкой, а в руках был какой-то небольшой конверт.

Он вручил нам газету, взамен забрал мой плеер и закрылся в кабинете. Потом вышел и спросил:

– Куда это вы собрались?

– В магазин, – сказала мама.

– На каток, – сказали мы.

– Придется отложить, – распорядился папа таким милицейским тоном, что спорить с ним, поняли мы, бесполезно. И даже опасно. – Всем оставаться на местах. До особого распоряжения. Дверь никому не открывать. – И уехал на работу.

– Господи! – воскликнула мама, снимая пальто. – А ведь я за бухгалтера могла выйти. – И добавила, снимая сапоги: – Или за моряка дальнего плавания.

А мы с Лешкой не очень сильно расстроились, потому что

уже привыкли: такая у папы служба. Я пошел в кабинет за-
брать свой плеер. Думал, погоняю сейчас «Доктора Ватсо-
на» и посмотрю по виду «Шерлока Холмса».

Только вот и это не получилось. Вернее, и Шерлок Холмс,
и доктор Ватсон – они как раз получились. В одном флаконе.
Криминальном...

Плеер лежал на папином столе рядом с пустым вскры-
тым конвертом. Я надел наушники и уже хотел было заме-
нить кассету, но почему-то машинально нажал на «плей».
И сначала ничего не понял: в наушниках зазвучал какой-то
ровный, будто даже равнодушный, мужской голос. А потом
у меня от страха подкосились ноги, и я плюхнулся в кресло.
Мне стало ясно: в конверте, который папа достал из почто-
вого ящика, лежала эта ужасная кассета. И папа, прослушав
ее, сгоряча забыл вынуть кассету из плеера.

Я перемотал запись на начало и позвал Алешку.

– Беда, – шепнул я ему. – На бату наехали!

– Что, где, когда? – машинально выпалил он, вытаращив
глаза.

– Слушай. – И я дал ему один наушник.

«Господин полковник, мы с вами заочно знакомы, и пото-
му я не представляюсь. Тем более что мы с вами занимаем-
ся общим делом: вы со своей командой ищете, а мы со сво-
ей – прячем. И кажется, вы сели нам на хвост. Более того,
я располагаю данными, что все нити розыска вы держите в
своих руках. Поэтому предлагаю вам два варианта дальней-

шего сотрудничества.

Первый, самый подходящий для вас: вы придерживаете ваших бравых сыщиков и не мешаете нам довести дело до конца. А мы, со своей стороны, берем вас в долю и выплачиваем вам любую сумму, которую вы назовете. В разумных, конечно, пределах. Вариант второй, нежелательный: если вы не принимаете наши условия, то за вашу жизнь я не дам идохлой сухой мухи.

Для убедительности сообщаю ваш домашний адрес и номер вашего телефона. – И тут он вправду назвал наш телефон и адрес, даже код на домофоне. – А в заключение нашей заочной беседы сообщаю вам, что принял все меры личной безопасности и ничего не боюсь. – Тут голос добродушно рассмеялся и добавил: – Кроме, конечно, зубных врачей.

Жду вашего сообщения в виде сигнала из окна вашего кабинета. Ровно в полночь вы трижды мигнете светом настольной лампы в знак согласия. Если вы этого не сделаете, я включаю в действие вариант „два“. Уважающий и себя и вас Карабас-Барабас».

Алешка внимательно прослушал и спросил:

– А кто этот?.. Ну... господин полковник?

Вот наивная душа!

– Батя наш! Ты понял?

Но тут в кабинет вошла мама.

– Что это вы такие сердитые? – удивилась она.

– Хорошо, что ты за бухгалтера не вышла, – проворчал

Алешка.

Мама ничего не поняла и пожала плечами. А я понял, что он хотел сказать. И конечно же, с ним согласился. Потому что если бы мама в свое время вышла замуж за бухгалтера или капитана дальнего плавания, то кто бы сейчас бросился на помощь нашему папе?

Мама еще раз на всякий случай пожала плечами, напомнила, что сегодня наша очередь мыть посуду, и пошла на кухню. Мыть эту самую посуду.

– Ну, – как змея прошипел Алешка, – я этому Карабасу... – И выскочил из кабинета.

Я догнал его только в прихожей, где он стоял, уже вооруженный хоккейной клюшкой.

– погоди, – сказал я. – Его сначала надо найти.

– А чего искать? – Алешка решительно тряхнул головой, отчего у него на затылке вскочил хохолок. – Спустимся в полночь во двор – он же там стоит, на наши окна смотрит, – подкрадемся сзади и... Ты его поддержишь, а я как вмажу ему клюшкой по башке!.. И будет ему третий вариант.

– Леха, – охладил я его пыл, – а если он не во дворе, а за два квартала отсюда, на чердаке высотного дома, с биноклем?

– И на чердаке найдем! – не унимался Алешка. – Ты его поддержишь, а я как ахну!

Однако я его все-таки убедил, что сначала нужно еще раз послушать кассету: может, что-нибудь нам подскажет, где

искать этого Карабаса, чтобы его клюшкой по башке... Но прежде всего необходимо переписать кассету – ведь папа наверняка ее хватится.

Так и случилось. Послушать кассету мы не успели. Успели ее только переписать, потому что вернулся торопливый папа и сразу – в кабинет, за кассетой. Хорошо, мы сообразили снова вставить ее в плеер и оставить его на столе.

– Никто не звонил? – спросил папа, появляясь в дверях и направляясь в прихожую. – Я скоро буду. К обеду. Или к ужину.

– Или к завтраку, – вздохнула мама, – через три дня. А ты поставь свою клюшку, – сказала она Алешке, который так и расхаживал с ней по квартире. – Тут тебе не каток.

Папа как-то подозрительно посмотрел на него, потом на меня. Но мы напустили на себя полнейшее равнодушие, и папа, успокоившись, ушел.

Вернулся он действительно скоро. Видно, чтобы не оставлять нас одних. И мы заметили, что на этот раз пиджак у него в районе подмышки как-то топорщится. А раньше он оружия никогда домой не брал. Видно, плохо дело!

Папа опять закрылся в кабинете и все время разговаривал по телефону. Особенно ближе к вечеру. Мы, конечно, подслушивали под дверь. Но понимали только половину разговора: что говорил папа. И все же кое-что полезное уловили.

Во-первых, никаких сигналов из окна папа подавать не собирался – ни в полночь, ни на рассвете. Впрочем, мы в этом и

не сомневались. Во-вторых, на кассете, кроме папиных, обнаружили отпечатки пальцев еще одного человека. И сейчас его устанавливают по картотеке. Но это вряд ли получится, потому что моих отпечатков в картотеке МВД нет. А в-третьих, во всех местах, где возможно подсматривание за нашими окнами, рассредоточены засады оперативников. Но никаких результатов пока нет.

Мы с тревогой ждали полночи.

Мама, которая ни о чем не догадывалась, прогнала нас спать. В большую комнату. Мы притворились усталыми и сделали вид, что быстро уснули, потому что знали – мама еще пару раз к нам заглянет.

После ее проверок Лешка на цыпочках в темноте прокрался в прихожую, к параллельному телефону, а я подошел к окну и, чуть сдвинув штору, стал смотреть на улицу. Хотя, честно сказать, мне больше всего хотелось забраться с головой под одеяло или спрятаться под елку.

Без двух минут двенадцать... Ничего подозрительного. Во дворе все уже спало, укрытое снегом. Только въехала чья-то запоздалая машина и притулилась в уголке, за гаражами.

И тут раздался телефонный звонок. Я вздрогнул от неожиданности, кажется, даже подпрыгнул и сразу нырнул под одеяло. А через полминуты рядом со мной оказался Алешка и прошептал мне на ухо дословно следующее: «Я обиделся на тебя, полковник, до слез. Только плакать буду не я, а твои родственники. Попрощайся с ними».

Глава II

ЧТО, ГДЕ, КОГДА?

В синем небе медленно и плавно кружились снежные хлопья. А вокруг фонарей, как бабульки на вокзале, суетились снежинки – то ли хотели погреться, то ли боялись опуститься на холодную землю.

Снег все падал и падал. А мы раз за разом прокручивали и прокручивали эту ужасную кассету. Хоть бы за что-нибудь зацепиться, найти тот кончик, с которого можно было бы начать разматывать эту загадку. Однако никакой полезной информации, как говорит папа, снять с пленки не удавалось.

Обычная кассета «ТДК». На девяносто минут. На одной стороне – группа «Дизайн», а на другой – ровный и спокойный голос диктует нашему папеньке жесткие условия.

А жизнь за окном шла своим чередом. Вот взревел во дворе мотор, и, как всегда, с визгом рванул с места шикарный «мерс» крутого Вадика-Гадика – он отправился по своим крутым ночным делам. Вот яростно затыкала крошечная дворовая шавка по имени Атос. Папа говорит, что песик страдает комплексом неполноценности: считает, что такое звучное имя ему дали в насмешку, а потому раздражается оскорбленным брехом всякий раз, когда его так называют. Вот скоро зазвенят на лестнице пустые бутылки в авось-

ке – наш сосед Фролякин отправится обменивать их на одну полную.

В общем, привычные, знакомые звуки родного двора, которые ни с чем не спутаешь. У бабушки, например, звуки во дворе совсем другие. Но тоже характерные: то цепь на колодце зазвенит, то соседская корова замычит, то петух на заборе заорет...

И тут-то меня вдруг осенило. Ведь кассета записывалась явно не в студии, а в какой-то обычной обстановке. И на ней тоже есть посторонние звуки. А что, если их проанализировать? Может, догадаемся, где она хотя бы была записана. А там уж доберемся и до ее автора. И такое этому творцу устроим – мало не покажется! Обе клюшки об него обломаем.

– Леха! – закричал я так, что он вздрогнул. – Слушаем еще раз!

– Двадцать раз уже слушали, – буркнул он.

– Крути в двадцать первый. И слушай внимательно не голос, а фон. Понял? И запоминай.

Прослушали. Запомнили.

Ворона каркала. Петух кукарекал. Свистки парохода звучали над водным простором. Колокольный звон вдали слышался. Часы пробили четыре раза. И два каких-то голоса бормотали – мужской, хриплый, и женский, визгливый. Как будто в соседней комнате. Или в коридоре:

«– Ща на крышу полезу, добры люди. Там конь загнулся.

– Успеешь, Ваня. Сперва кран почини».

Я еще раздумывал над услышанным, а Алешка уже выдал свою версию:

– Это у нас на даче записывали, – уверенно сказал он.

– Бред кошачий, – не менее уверенно отреагировал я.

– Да? А вороны? Ты слышал, они каркали?..

– Вороны и здесь каркают, – возразил я. – Вон они, послушай утречком, – и показал за окно, на помойку.

Но Лешка это возражение проигнорировал.

– А петухи? Тоже орут?

Петухи – да. В Москве их маловато.

– Помнишь, – продолжал гнуть свое Лешка, – у нас сосед справа, полковник такой военный? У него петух в сарае живет...

Я промолчал – возразить было нечего. И полковник есть, и Генерал – так сосед своего петуха называл. Наверное, у него тоже комплекс. Из-за того, что сам до генерала не дослужился.

– А слева сосед, – напористо аргументировал младший братец, – он от «Дизайна» тащится. Понял? А по реке пароходы ходят, забыл? И церковь в Васильевском звонит. Все ясно! – Но тут он вдруг оборвал сам себя, и хохолок у него на затылке спрятался.

– Ты чего?

– Думаю! Как они дохлого коня на крышу затащили? И зачем?

Да, действительно. Все вроде сошлось, а конь не вписыва-

ется.

– И пароход тоже, – сник Алешка. – Какие зимой пароходы?

Мы растерянно посмотрели друг на друга. Так все гладко шло, а тут вдруг конь вмешался. И пароход...

– А может, это не пароход, а тепловоз? – задумчиво проговорил Лешка.

Я подумал немного и покачал головой. Нет, тепловоз совсем не так гудит – он гудит густо, долго, напористо. А этот свистит прерывисто и, можно сказать, легкомысленно. На что-то похоже...

А, вспомнил! Так свистел электровоз на детской железной дороге в Кратове.

– Во! – Лешка поднял большой палец. – Все сошлось. И церковь там есть. И вороны каркают. И петухов там навалом!

– И дохлых коней на крыше полно, – добавил я.

– А что? – яростно уперся Алешка. – Не бывает, что ли, такого? По телику показывали – тетка корову в ванной держит!

Да, корова в ванной – это еще круче, чем конь на крыше.

– Поехали. – Алешка решительно соскочил с тахты. – На месте проверим, что там за конь такой у этих бандитов завелся!

Поехали... У нас даже на метро денег нет.

– У соседа займем.

– Когда это ты у него деньги видел?

– Да не деньги – машину!

Это мысль. Наш сосед Фролякин двадцать лет назад (нас еще и в помине не было) купил машину. И ни разу на ней не ездил. Во-первых, у него не было прав, а во-вторых, он никогда трезвым не был. Сядет иногда за руль, покрутит его, пофырчит вместо мотора, побибикает губами – и все, вся его поездка. Но зато нашим ребятам давал покататься по двору. Взад-вперед. От помойки до помойки...

– А кто ее поведет?

– Ты, – сказал Алешка. – Ты же два раза водил машину, сам говорил.

Ага, водил. Электрическую. На аттракционе, в парке культуры. Но я об этом не сказал. Меня беспокоило, не кто ее поведет, а кто ее заведет. В настоящее время машина Фролякина стояла под драным брезентом на спущенных шинах.

– Здравсьте, Иван Василич, – вежливо сказали мы в два голоса, когда Фролякин, ничуть не удивившись столь поздним гостям, открыл нам дверь.

– Ну и что? – спросил он.

– Можно покататься на вашей машине? По двору.

– Можно. – Он икнул и захлопнул дверь.

– А ключи? – заорали мы.

– Щас! – прокричал он из глубины квартиры.

Сначала мы стояли под дверью, потом посидели на ступеньках лестницы, а потом пошли домой и легли спать...

В пять утра нас разбудил суматошный звонок в дверь. Хорошо еще, что накануне мама опять уехала к бабушке, а папа отправился в аэропорт кого-то там задерживать – то ли рейс, то ли преступника.

Я вскочил и прямо босиком бросился в прихожую:

– Кто?

– Я! – радостно ответил сосед Фролякин. – Отпирай!

Я открыл дверь, и он показал мне ключи от машины.

– Во! Нашел! Всю ночь искал!

– Спасибо, – сказал я, зевая во весь рот.

– Только это... – Фролякин высоко поднял ключи, чтобы я не достал. – Это... Залог давай. А то угонишь...

Ее угонишь! Если только лошадей в нее запряжешь...

– А какой залог?

– Какую-нибудь ценную вещь. Равную по стоимости. По рыночной.

– Бутылки возьмете? – нашелся Алешка, оказавшийся за моей спиной. Тоже босиком и тоже зевая.

– Сколько? – деловито уточнил Фролякин.

– Балкон, – сказал я.

Это была чистая правда. Когда папе отмечали сорок лет, было очень много гостей. И родственники, и друзья, и с работы... Мы тогда весь балкон заставили пустыми бутылками. И все время обещали маме, что сегодня их обязательно сдадим. Уже два года. И уже два года на балкон нельзя было

выйти. Звенели они себе там потихонечку и звенели. А когда задувал западный ветер и попадал в их горлышки, бутылки выли, как голодные собаки на холодном дворе...

Молодец братишка! Дипломат великий! Двух зайцев сразу убил.

Мы стали перетаскивать бутылки с балкона на лестничную площадку. Теперь сосед Фролякин будет весь день звенеть по лестнице набитой авоськой. Менять старое на новое. Пустое на полное. А мы начали готовить машину к пробегу Москва – Кратово.

Содрали брезент. Прогнали из машины кошек. Накачали шины. Вернее, я накачивал, а Лешка интенсивно консультировался у других владельцев машин. Они охотно делились с ним опытом.

– Не бойся, – сказал он, садясь рядом со мной на переднее сиденье. – Я все узнал, буду тебе подсказывать. Заводи!

Вдруг в стекло кто-то постучал. Я распахнул дверцу. Еще один сосед.

– Когда заведешь, – сказал он, – прогрей хорошенько.

– А как же! – важно согласился Алешка. – Обязательно! Заводи!

Но ключ никак не лез в замок. Я присмотрелся к нему, к ключу, – он явно был не от машины, а от шкафа.

Помчались опять к соседу Фролякину. Высказали претензии.

– Не, ну вы капризные, соседи, – проворчал он, набивая

очередную авоську. – Все вам не так. Щас посмотрю.

– Пошли обедать, – вздохнув, предложил Алешка. – Пять раз успеем.

Но на этот раз ключи нашлись быстрее.

– Если и эти вам не понравятся... – начал было Фролякин, но мы уже гремели каблуками вниз по лестнице.

Этот ключ вошел в замок. Я повернул его, и машина завелась! Дергалась, стреляла, воняла черным дымом, но – работала!

– Так, – сказал Алеха, – выжимай сцепление, включай задний ход.

Я повиновался, тем более что впереди, почти вплотную, стояла другая машина. А сзади почти ничего не было. Кроме мусорных баков.

Но где эта задняя скорость?

– Вот, – ткнул пальцем Алешка, разглядывая цифры на набалдашнике рычага: – Вот: первая, вторая, а вот буква З – задняя. Врубай!

Я врубил.

– Плавно отпускай сцепление и прибавляй газ.

Машина почему-то дернулась вперед, едва не поддав под зад другую машину, и распахнула во всю ширь свои задние дверцы. Оказывается, они не запирались. Мы вылезли и связали дверцы между собой веревкой за ручки. А тут опять сосед подошел:

– Рокер! – сказал он мне. – Кто же с третьей скорости тро-

гается?

Он объяснил, что буква З – это не задний ход, а цифра «три». И показал, как включить заднюю передачу.

Я снова завел машину, включил заднюю передачу и отпустил сцепление...

Машина опять заглохла. Но не сразу. Сначала она опрокинула мусорные баки. Из них высыпался мусор, и брызнули во все стороны кошки – наверное, те, которых мы прогнали из машины.

– Резко стартуешь, – сказал Алешка, когда мы поставили баки на место. – Включай первую, и выбираемся со двора. А то тут тесно, машин полно. И мусора.

Ага, а на улице машин не полно! Но мне уже интересно стало. И я включил первую скорость.

Поехали! Прямо на чужую машину.

– Влево! – закричал Алешка.

Я послушался: я старался изо всех сил.

– Вправо! – тут же заорал он. Потому что машина полезла на газон и нацелилась на фонарный столб.

Я вывернул вправо, и мы, виляя из стороны в сторону, поехали, дымя и кашляя, вдоль машин. Только почему-то сильно громыхали. Будто разваливались на ходу.

Алешка обернулся и заорал:

– Стоять!

Я нащупал педаль тормоза и резко вдавил ее в пол, так что мы чуть не вышибли лбами ветровое стекло.

Выбрались из машины. Оказывается, один из мусорных баков не захотел с нами расставаться. Зацепился за задний бампер и, гремя крышкой, катился за нами на своих маленьких кривых колесах. Вроде прицепа.

Мы отцепили его, откатали на место и снова уселись в машину.

Теперь дела пошли куда веселее. Мы объехали весь двор – машина нас слушалась. Она не врезалась в экскаватор, который пригнали рабочие, чтобы опять расковырять весь газон. Она не зацепила трансформаторную будку. Не трогала больше мусорные баки. И послушно остановилась на своем месте.

– Ты чего? – удивился Алешка. – Поехали в Кратово.

– Не поехали, – буркнул я и постучал пальцем по приборному щитку. – Бензин кончился.

И неудивительно: за двадцать лет Фролякин заправлял ее один раз.

– Поедем на электричке, – предложил Алешка.

– А деньги? – спросил я, сразу решив, что без билетов не поедем – не так воспитаны.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал Лешка.

И я понял, что он уже придумал, но ни за что не скажет. Чтобы я его не отговорил.

Глава III

КОНЬ, ПАРОВОЗ И ПЕТУХ...

До вокзала мы добрались пешком – недалеко было. Выбрали в расписании подходящую электричку. Вошли в вагон. И тут... Не успел я ахнуть, как Алешка сорвал с головы шапку и жалобно заныл:

– Граждане пассажиры, извините, что обращаемся к вам. Сами мы не местные, проживаем в поселке Кратово. Папочка наш в тюрьме, а мамочку лишили родительских прав. Помогите, чем можете, бедным сироткам... – И пошел меж рядов сидений, приговаривая: – Спасибо! Спасибо! Спасибо!..

Больше всего мне сейчас хотелось взять его за шиворот и вытащить на платформу, но он так артистично исполнял свою роль, что я сам начал шарить по пустым карманам, чтобы чем –нибудь помочь «сиротке».

В тамбуре я не успел его поймать – он мышкой юркнул в следующий вагон, рассыпав по карманам собранную мелочь. И еще один вагон успел обобрать. А потом выскочил на платформу.

– Все, – довольным голосом сказал он, – на билеты хватит. Побежали в кассу!

Я молча смотрел на него. Из рта у меня рвалось пламя, а из ушей валил дым.

– Ну, чего ты? – проскулил Алешка. – Скажешь, не честно, да? Я ж не на мороженое собирал. А чтобы папе помочь.

Такая вот честность. Своеобразная. Но возразить было нечего.

Мы пошли за билетами. И вдруг сзади на наши плечи легли тяжелые руки. Я подумал – милиция, но оказалось еще хуже. Это был здоровенный верзила в распахнутом полушубке и с загасшим окурком папиросы в углу рта.

– Слышь, пацаны, – с заметной угрозой прохрипел он, – вы от кого работаете?

Тут я все понял и испугался еще больше, особенно из-за Алешки. Папа рассказывал нам, что вот такие верзилы заставляют беспризорных малышей ходить по вагонам, потом отбирают у них все деньги, оставляя только на какую-нибудь пепси и какой-нибудь «Сникерс». И у них все поделено, каждый поезд, а тому, кто влезет на чужую «территорию», бывает очень плохо. И по-видимому, от страха я сразу сообразил, что нужно сказать.

– У нас «крыша», – важно проговорил я. – В Малаховке. Нас Стасик пасет.

– Какой еще Стасик? – заревел верзила. – Это моя зона! В натуре.

Если бы я знал, какой Стасик! Я его только что придумал.

– Ты что, Стасика не знаешь? – испуганно удивился я. И стал наворачивать: – Ну, он такой... да ты его видел небось. Стриженный. Куртка у него такая... черная, кожаная. Штаны

широкие. Золотая цепь на шее. Шрам на щеке. – Я фантазировал все увереннее, потому что мысленно срисовал облик «Стасика» с нашего дворового Вадика. – «Мерс» у него голубой. Он еще всегда на заднем сиденье двух качков возит. Отморозки еще те! В натуре.

По мере моего повествования рука верзилы на моем плече становилась все легче. Он уже не держал меня, а дружески похлопывал по плечу. А с Алешкиного плеча вообще руку убрал.

– Так бы, блин, и сказал! Все путем, пацаны. Действуйте, типа, дальше. А если кто наедет – прямо ко мне. Меня Гошей кличут, в натуре. Стасику привет!

– А Карабаса ты знаешь? – спросил Алешка.

– Ну, пацаны, вы воще! Крутые! – Он, похоже, боялся нас теперь больше, чем мы его. – Держите! – Верзила подарил нам по доллару и исчез. Вместе со своим окурком.

– Он, типа, воще, – сказал Алешка, когда мы сели в электричку. – Пальцы веером. Но он нам еще пригодится.

А я подумал, что этот Карабас, должно быть, большой авторитет в криминальной среде, как говорит папа, если всякий жулик его знает и боится.

Мы вышли на заледенелую скользкую платформу и пошли искать дом, где фанатеют по «Дизайну», где какой-то Ваня чинит краны и жалеет коня на крыше.

Нужный дом мы нашли сразу. На нем все сошлось. Кро-

ме коня, правда. Но мало ли что могло случиться за это время? Зато все остальное было при доме. И вороны каркали, и церковь была видна. И петухов кругом хватало в соседней деревне. Оставалось проверить наличие музыкального центра и часов с боем...

Мы отворили калитку и пошли к дому. Окна его снаружи заледенели, а изнутри были закрыты шторами, так что разглядеть интерьер со двора нам не удалось. Придется проникать внутрь.

Мы поднялись на крыльцо, веником, который стоял у двери, обмели сапоги от снега, и нажали кнопку звонка.

Нам отворила добродушная пожилая женщина.

– Что вам, сиротки? – участливо спросила она. И мы догадались, что она видела нас в электричке, когда Лешка занимался поборами.

– Водички попить, – сказал Алешка.

– Заходите. – Женщина посторонилась и пропустила нас в дом. – А пообедать не хотите?

Мы переглянулись. А почему бы и нет? Время самое подходящее, да и аппетит на морозе разыгрался не на шутку.

– Проходите в кухню.

В доме было тепло и уютно. А на кухне – еще лучше: на столе стояло целое блюдо с пирожками, и они так пахли... А на стене висели часы.

Мы пообедали по полной программе, чересчур вежливых («спасибо, не надо, мы уже сыты») из себя не строили. Толь-

ко все время поглядывали на стрелки, чтобы услышать бой часов. Но стрелки нас не радовали – двигались очень медленно.

– Да они стоят, – сказала женщина, заметив наши взгляды. – Батарейка кончилась.

– Плохо в доме без часов, – посочувствовал я.

– Почему без часов? – удивилась женщина. И похвалилась: – У нас другие есть, в зале. С боем.

Мы опять переглянулись, а она поняла нас по-своему и взялась за половник:

– Добавки хотите? Борщек мне сегодня удался.

Отказываться мы не стали, хотя и были сыты до отвала. Нам нужно было услышать бой часов, чтобы окончательно убедиться: именно в этом гостеприимном доме надиктовывалась та ужасная кассета.

Боя часов мы дождались. Правда, он был совсем не такой, как на кассете, гораздо мелодичней. С последним ударом на кухню вошла девочка с наушниками на голове и с плеером на поясе. Она поздоровалась с нами, взяла два оставшихся пирожка и тоже села за стол.

Алешка дожевал пирожок, проглотил его и сказал задумчиво:

– А я люблю группу «Дизайн».

– А я не люблю, – отозвалась девочка, вслушиваясь в свою музыку.

– А лошадь у вас есть? – так же неожиданно спросил он.

– Есть, – сказала девочка, нисколько не удивившись. – И не одна.

– На крыше? – обрадовался Алешка.

Вот тут девочка удивилась, даже наушники сняла.

– Почему на крыше? В конюшне, на папиной работе.

– А где он работает? – спросил я.

– В милиции. Он начальник конного отряда.

– Спасибо, – сказали мы. Быстренько встали и быстренько пошли.

– А чай? – огорчилась женщина.

– Спасибо, спасибо, мы на электричку опаздываем.

Вот это облом!

Но неудача нас не обескуражила. Тем более что мы хорошо пообедали да еще так удачно избежали встречи с представителем конных правоохранительных органов. Не хватало еще, чтобы он пришел домой пообедать, разобрался в ситуации и сообщил полковнику Интерпола о том, что его дети побираются в электричках!

И мы с новыми силами возобновили поиски.

Обошли почти весь поселок, но так и не нашли дом со всеми необходимыми признаками. Все время чего-нибудь да не хватало. Главным образом коня на крыше.

В конце концов эта затея показалась нам совсем дурацкой. Не ходить же по всем домам, вопрошая: а кто здесь, добрые люди, зубного врача боится? К тому же ближе к вечеру мы

устали и опять проголодались.

Гошины доллары мы обменяли еще на вокзале, поэтому смело зашли в маленькое кафе, чтобы перекусить и погреться.

За соседним столиком сидела молодая толстая мама с толстым ребенком. Ребенок капризничал и отказывался есть, а мама сердилась, но жрала за двоих. Даже страшно было, когда она раскрывала рот, чтобы откусить от гамбургера. Работая челюстями, как бетономешалка – так же настойчиво и шумно, она, набив рот, сказала своему сыну:

– Если не будешь кушать, Левушка, станешь вот таким худеньким, – и показала на Алешку.

– А если будешь кушать, – проворчал Алешка, – станешь таким же, как твоя маменька.

И тут этот Левушка сказал одну такую фразу, что мы чуть не подавились.

– Хочу к Карабасу!

А мама ему ответила:

– Никаких Карабасов, пока не доешь йогурт.

Алешка толкнул меня ногой под столом.

– Это их родственник, – шепнул он. – Этот Карабас.

«Похоже, – подумал я. – Вот мы и взяли след».

Наконец мамаша наелась, вытерла Левушке перемазанное лицо, взяла его за руку и потащила на улицу. Там он вырвался и, припрыгивая, побежал к центру поселка. Мамаша, переваливаясь на ходу, поспешила за ним. К Карабасу.

Мы выскользнули из кафе и пошли по следу.

Мальчишка знал, куда идти. Скоро мы слышали пронзительную музыку, смех и веселый крикливый голос. В конце улицы в большом доме был детский магазин «Золотой ключик» с витринами, заставленными и заваленными игрушками. Одних Буратин там было штук двести.

У входа в магазин между развалов всяких игрушек стоял дядька в драной шляпе, в клетчатых штанах и в подтяжках поверх куртки и крутил ручку одноногой шарманки. Шарманка визжала, а дядька, который изображал собой папу Карло, весело приглашал зайти в магазин.

В самом магазине было еще веселее. Кишмя кишела всякая мелюзга с родителями. Гремела музыка про «Поле Чудес в Стране дураков». На одной стене был нарисован очаг с бараньей похлебкой. На другой – Буратино, сидя на листе кувшинки, тарачился вроде как на змеиную голову с золотым ключиком в зубах, торчащую из воды. На третьей – Карabas-Барабас с черной бородой до пола размахивал плеткой-семихвосткой, а вокруг него плясали деревянные человечки.

Продавицы были одеты под Мальвин – все в голубых париках. За кассами сидели черепахи Тортилле.

Все было завалено игрушками. И все на них глазели, но никто ничего не покупал. Из-за цен. Похоже, здесь самая обычная ерунда стоила не меньше пяти золотых монет.

У нас глаза разбежались. И сразу захотелось что-нибудь

купить. Но Гошины доллары мы уже проели. Хорошо еще, что на Лешкину милостыню мы взяли билеты сразу в оба конца.

В общем, в этом магазине было все для детского счастья. Не было только Карабаса. Тот, что на стене, не считается.

Немного ошалев от шума, впечатлений и слегка приустав, мы отошли в сторонку, к отделу косметики, над которым висел рекламный плакат: «Откройте для себя продукцию „Роз-Мари“». Возле этого отдела детей не было. Были только женщины.

– Нравится у нас? – спросила, пробегая мимо, одна из Мальвин. – Здорово, да?

– Не очень, – буркнул Алешка.

– Это почему? – От удивления Мальвина даже затормозила и чуть не выронила коробки, набитые Арлекинами и Пьеро с Артемонами.

– А Карабаса-Барабаса нет. И Дуремара.

– А вот и есть! – Мальвина поддала подбородком сползающую коробку. – И Дуремар есть. Это наш бухгалтер. И Карабас – директор магазина. Съел? – И поспешила дальше, даже не догадываясь, какую ценную информацию обронила на ходу.

Мы вышли на улицу – посоветоваться и наметить план действий.

– Надо его выследить, – сказал Алешка. – Я сейчас к нему зайду, посмотрю на него, чтоб запомнить, а потом мы пой-

дем за ним. До его дома. Небось, коллекцию он там прячет. Заберем – и все. К папе претензий нет. И художника Кусакина обрадуем.

– Собакина, – поправил я.

– Какая разница! – отмахнулся Алешка.

На улице уже темнело. Пошел снег. И как – то неуютно стало. Я люблю, когда снег падает за окном теплого родного дома. А здесь, вдали от него, вблизи от врагов... Не, не нравится. И Алешка стал мерзнуть. Вот-вот зубами застучит.

И вообще – домой пора. Может, это совсем не тот Карabas. Может, это очень милый человек, который любит детей и устраивает им праздник в своем магазине... где и с пятью золотыми делать нечего.

Мы вернулись в магазин, и Алешка шмыгнул за прилавок. Потом он рассказал мне в подробностях, что произошло в кабинете директора.

...Он вежливо постучал в дверь, за которой слышалась тихая музыка, и вошел.

Директор сидел за столом, тыкал пальцем в калькулятор (наверное, доходы подсчитывал) и был не очень похож на Карабаса. Правда, черная борода у него была, но короткая.

– Чего тебе? – спросил он Лешку.

– Я маму потерял, – захныкал тот. – Скажите по радио.

– Подожди, – отмахнулся директор. – Сбил ты меня. Снова начну. Посиди вон там. – И он показал на стул в углу ком-

наты. Там стоял на столике магнитофон и тихо мурлыкал.

Алеша сидел смиренно, положив руки на колени. Только глаза бегали по полке с кассетами: искали «Дизайн». Но не нашли. Не было его тут. Хотя директор был, кажется, аккуратным человеком – на корешках всех кассет виднелись ровные подписи.

– Ну, – сказал директор, – как зовут?

– Маму?

– Тебя.

– Стасик.

– А фамилия?

– Иванов. – Ничего пооригинальнее Алешка не успел придумать.

Директор снял со стойки микрофон, щелкнул клавишей, и на весь магазин хрипло прогремело:

– Гражданка Иванова, ваш сын Стасик ждет вас в кабинете директора.

Он отложил микрофон.

– Все. Сиди жди. Сейчас прибежит.

– А еще раз можно? – попросил Алешка. Ему хотелось опять услышать голос директора по микрофону, чтобы вернее сравнить его с голосом на кассете. – Погромче.

– Она у тебя что, глухая? – недовольно спросил директор.

– Крутая! – обиделся Алешка.

Директор оглядел его и, буркнув: «Не похоже что-то», все-таки еще раз обратился к гражданке Ивановой.

Но безуспешно.

Директор снова углубился в свои подсчеты, а Лешка завел провокационный разговор:

– А «Доктор Ватсон» у вас есть? Я бы послушал. Пока мама придет.

– Старье. Не держу.

– А «Дизайн»? Тоже не держите?

– Барахло. Была где-то кассета, да кому-то ее отдал. – И он вдруг моргнул, тряхнул головой и подозрительно посмотрел на Алешку. – Как, говоришь, твоя фамилия?

– Петров. – Алешка забыл про маму Иванову.

– А ты говорил – Иванов! – Директор приподнялся в кресле.

– Это мама Иванова, – мгновенно выкрутился Алешка. – А я Петров. Что, не бывает?

– Бывает. – Директор опять опустился в кресло. – Где ж твоя Иванова, Петров?

Алешка понял, что дальше сидеть здесь нет смысла, встал и, вздохнув, сказал:

– Наверное, ее похитили рэкетмены. Пойду выручать...

– Это он, – объявил Алешка, когда мы вышли из магазина. – И зубных врачей боится.

– Откуда ты знаешь? Он тебе жаловался? – спросил я недоверчиво.

– У него все зубы золотые. И голос похож.

Насчет голоса – не знаю. Я, например, из этих динамиков почти ничего не разобрал. Кроме «гражданки Ивановой».

– Будем ждать, – решил Алешка. – Он скоро выйдет.

– С чего ты взял?

– У него пальто на кресле висело. Значит, домой собрался.

Алешка оказался прав. Вскоре из магазина вышел человек с черной бородкой и в желтой дубленке. С золотыми зубами во рту.

– Вот он! – шепнул Алешка.

Директор подошел к красивой машине – она была уже вся в снегу, пикнул сигнализацией и стал счищать снег метелочкой.

Вот этого мы не учли! Сейчас он сядет в машину и уедет. А мы что? Побежим за ним, увязая в снегу: «Дяденька, подожди, не так быстро! А то мы за тобой следить не успеваем!»

Почти так и получилось. Директор сел в машину, закурил и поехал под крышу дома своего. На которой конь загнулся. А мы жалобно посмотрели, как мигают в падающем снегу красные габаритки, как исчезают они за поворотом, и побрели на станцию.

– А знаешь, – сказал я Алешке. – Я где-то эту машину уже видел. Кажется, это она въехала в наш двор, когда папа должен был сигнал лампой подать.

Родителей еще не было. Мы быстренько разделись, поели и сделали вид, что с головой поглощены всякими домашни-

ми делами.

Первой пришла мама.

– Как жизнь? – спросила она. – Чем занимались?

– Посуду мыли, – вздохнул Алешка.

– Целый день? – ужаснулась мама с улыбкой.

– Ну да, – сказал Алешка. Он за сегодня здорово врать научился – практика большая была. – А как же! Поедим – помоем, поедим – помоем.

Мама сняла сапоги и понесла сумки на кухню. Мы ей помогли. Потом переложили продукты в холодильник.

– Папа не звонил?

– Может, и звонил, – дипломатично ответил я, – да мы не слышали.

– Музыку крутили? На всю катушку? Соседей донимали?

– Не, мы спали, – ляпнул Алешка. – Поедим – поспим...

– Посуду помоем, – продолжила мама. И строго спросила: – Где шлЯлись?

Но тут папа пришел. Избавил нас от допроса.

– Как дела? – спросили мы, выходя в прихожую.

– Нормально, – сказал он, переобуваясь. – Мне не звонили?

– Может, и звонили, – отозвалась мама, – но они не слышали: посуду мыли и спали.

– Так!.. – произнес папа. – Где шлЯлись?

– Фролякину помогали посуду сдавать, – «признались» мы.

– А, понятно. – И папа пошел на кухню.

Что-то мы сегодня врем много. А завтра опять врать придется.

Глава IV

Я БОЮСЬ СВОЮ БАБУШКУ!

Я понял, насколько прав был папа, когда жаловался, что успешно бороться с преступностью невозможно из-за нехватки денежных средств и слабого технического оснащения. Мы испытали это на себе, на своих шкурах. Нам не хватало (вернее, их совсем не было) денег, и нам нужно было транспортное средство. Без этого Карабаса не выследить.

Между тем ситуация складывалась так, что создавался благоприятный момент для нашего вмешательства в папины дела. Оперативным путем (методом подслушивания) мы получили интересную информацию. Один сотрудник сообщил папе, что, по сведениям из надежного источника, преступная группа Карабаса на время затаилась, и сейчас самое время, «чтобы негласно продолжить ее разработку». И еще он сообщил, что полночный телефонный звонок был сделан с мобильного, из машины, «которую, несмотря на оперативно введенный по городу и области план „Перехват“, задержать не удалось».

Еще бы! Если все время, пока ее перехватывали, она стояла в нашем дворе.

А мы с Алешкой были парализованы отсутствием денежных и транспортных средств!

От безвыходности Лешка даже предложил ограбить банк. Чего проще? По телевизору все время показывают, как это можно сделать.

– Ты что! – заорал я. – Соображаешь?

– Временно, – с ясными глазами пояснил Алешка.

– Как это? – удивился я.

– Ограбим, а деньги потом вернем. Когда дело закончим.

Ну да, мы ж не на мороженое...

Вошла мама.

– Чего вы так орете? – спросила она и стала поливать цветы, о чем-то глубоко задумавшись.

– Лешка банк хочет ограбить, – настучал я, рассчитывая на мамин авторитет.

– Да? – рассеянно переспросила мама, отщипывая засохший листок. – Взаймы дашь? А то у нас за квартиру два месяца не плачено.

Алешка показал мне язык и поспешил обрадовать маму:

– Я лучше новую куплю. Без всяких долгов.

– Чем банк грабить, – сказала мама, – позвонили бы лучше бабушке. Она скучает.

Решение пришло сразу. Простое и гениальное. Удивительно, почему мы раньше не додумались? Ведь от той станции, где живет наша бабушка, до Кратова – рукой подать.

– А лучше мы ее навестим! – закричал Алешка в восторге. – Даже поживем у нее. До конца каникул. Здорово?

Мама с сомнением покачала головой:

– Вам-то здорово, а бабушке? Впрочем, я посоветуюсь с папой.

Папа, когда мама позвонила ему, похоже, даже обрадовался. Наверное, решил, что за городом мы будем в большей безопасности. Вот что значит отсутствие информации. Знал бы он, зачем мы рвемся к бабушке, он бы нас в шкаф посадил и запер, чтобы случайно «не вывалились».

Конечно, если бы не оперативная обстановка, мы по доброй воле ни за что к бабушке не напросились бы. Нам у нее хорошо, но мы ее боимся. Потому что наша бабушка – зубной врач. Правда, уже на пенсии. Но она очень скучает по своей незаменимой работе и даже дома завела себе зубо-врачебное кресло, в котором рвет и лечит зубы всем соседям. Бесплатно. И по-моему, без наркоза. Во всяком случае, как орут ее пациенты, мы сами слышали прошлым летом, еще когда со станции шли.

Мама быстро собрала гостинцы для бабушки, дала нам денег на дорогу и наказала сразу же позвонить, когда мы приедем.

– А клюшка тебе зачем? – спросила она Алешку.

– Там на пруду хоккейная площадка есть, – соврал Алешка, не задумываясь – что значит практика.

Для отвода маминых глаз и возможных подозрений я решил еще и лыжи взять.

– Стоп! – сказала мама, когда мы уже щелкали дверными замками. – Сначала ведро вынести.

Мы не стали спорить, а то еще про посуду вспомнит. Я схватил ведро и выскочил на лестничную клетку, к мусоропроводу.

И тут, этажом ниже, раздался негромкий хлопок. Я замер от страха. Такие хлопки всегда звучат на экране, когда в подъезде кого-нибудь подкарауливают киллеры. Бросив ведро, я помчался вниз. Лешка с клюшкой за мной...

На площадке нижнего этажа сидел человек в странной позе – прижавшись спиной к батарее и уронив голову на грудь. В руке его что-то тускло блестело. Но на папу он не был похож.

Затаив дыхание мы подобрались поближе.

Это был сосед Фролякин. Что-то блестящее в его руке оказалось откупоренной бутылкой шампанского. Вот откуда этот напугавший меня хлопок!

– Спит? – шепотом спросил Алешка.

Фролякин приподнял тяжелую голову.

– Устал, – объяснил он нетвердым языком.

Мы подхватили его под руки, помогли подняться и довели до квартиры. Фролякин поставил бутылку на пол и стал медленно шарить в карманах, разыскивая ключ и бормоча:

– Вы еще будете гордиться, что жили в одном доме с пьяницей Фролякиным. Мемуары будете писать – какой он человек. Я вас еще покаताю на самом длинном «Мерседесе». – И грозно спросил: – Понятно?

Мы ничего не поняли, а переспрашивать не стали, о чем

потом горько пожалели...

Доехали мы благополучно. И даже встреча в электричке с Гошей нас не расстроила. Тем более что он, завидя нас, дружески помахал рукой. Типа, приветствую коллег по бизнесу. То ли Стасика крепко испугался, то ли Алешкиной клюшки. Он даже подсел к нам, и мы немного поболтали, но долларами больше не одаривал. Да мы бы и не взяли. Больно нам нужны грязные бандитские деньги...

Бабушка нам очень обрадовалась. Сразу стала поить нас с дороги чаем с вареньем и рассказывать новости. Новости мы пропустили мимо ушей, но на варенье обратили внимание. И на мамины гостинцы тоже.

– Ну вот, – сказала бабушка, закончив подборку новостей, – а теперь пойдете, покажете свои зубки.

Но мы в один голос браво соврали, что зубки мы показывали перед каникулами школьному стоматологу, а лучше мы пойдём покатаемся с горок.

Горки у бабушки хорошие. И санки тоже – большие, прочные, с изогнутыми полозьями. Старинные. Бабушка в молодости на них дрова из леса тайком возила. Воровала, можно сказать. Словом, не санки, а сани. В них можно лошадь запрягать.

Катались мы до самого вечера. Потом оттащили домой санки, отряхнулись от снега – и на дежурство.

Короткой тропкой, через небольшой заснеженный лес,

мы, как народные мстители, пробрались в поселок.

На этот раз мы не стали ждать директора у магазина «Золотой ключик», а пошли к тому месту, где в последний раз мелькнули на повороте габаритки его красивой машины. И пришли вовремя. Едва мы заняли свой пост, как меж сугробов, вытянувшихся по обочинам дороги, показались яркие фары. Машина проехала мимо нас и свернула в проулок.

Мы пошли по ее следам – они были хорошо видны на свежем снегу.

Добравшись до окраины, мы прошагали мимо застывших над лунками рыбаков в тулупах и валенках и по деревянному мостику перешли маленькую замерзшую речку. Один из рыбаков, спрятавшийся от холода под прозрачную пленку, был похож на вмерзшее в лед привидение. А другой... на нашего баты. Во всяком случае, одеждой. Впрочем, зимой у всех рыбаков одежда одинаковая. Как форма у солдат. Поэтому мы не обратили внимания на то, каким долгим взглядом проводил нас этот рыбак и как быстро он начал сматывать удочки.

На другом берегу начинался дачный поселок, весь в коттеджах и виллах. Но больше всего было разных заборов. И мы пошли вдоль них, заглядывая в щели, чтобы не пропустить комплекс примет: знакомую машину, крик петуха, гудок детского тепловоза и коня на крыше. Да, еще бой часов в доме. И карканье ворон.

Про группу «Дизайн» мы больше не думали. Раз Карабас сделал запись на эту кассету, значит, не такой уж он фанат

этой группы. Скорее наоборот.

Темнело по-зимнему рано, но в поселке горели фонари, красиво подсвечивая падавшие на землю хлопья. Снег скрипел под ногами. Каркали вороны. Пропел невдалеке сонный петух. А вот и железный забор из острых пик. За ним вползала в подземный гараж знакомая красавица-иномарка.

Все совпало. Только не было на крыше загнувшегося коня.

– Прокололись, – вздохнул Алешка. И тут же вскинулся: – А вот и нет! Вон он, конь на крыше!

Сколько я ни вглядывался, никакого коня на крыше не нашел. Только в глазах зарябило от падающего снега.

– Выше смотри, – подсказал Алешка. – На трубу!

Я присмотрелся. И точно: есть конь на крыше. На трубе был такой фигурный железный колпак в виде шахматного коня. Сидел он немного криво, кренясь набок. Потому, наверное, и сказал невидимый Ваня на кассете: «Конь на крыше загнулся».

Ну вот, полдела сделано. Теперь остаются самые пустяки, зачистка, как говорит папа. Забраться в дом, проверить, есть ли там часы с боем, и выведать у Карабаса, где хранится коллекция, а потом клюшкой его по башке – и в милицию. И мы с сознанием выполненного долга пошли домой пить чай с вареньем, весело поскрипывая по свежему снегу.

Навстречу нам шел рыболов с реки. Когда мы поравнялись, он поднял воротник тулупа и отвернулся. Видно, стыд-

но было за свой улов.

По дороге мы с Лешкой обсуждали, что уже сделано, и соображали, как сделать остальное. Вспомнив еще раз содержание кассеты, я предложил очень хороший план.

– А это законно? – спросил Алешка. – Мы не ущемим права человека?

Законник! Правозащитник! Пассажиров обманывать и деньги у них вымогать – можно. Банк временно ограбить – тем более. А бандита справедливости ради припугнуть – это нельзя, да? Тоже мне – права человека! Да какой он человек? Он Карабас, в натуре! Террорист, типа.

Все это я высказал Алешке на повышенных тонах. И он согласился.

Наконец мы подошли к бабушкиной калитке, на которой висела грозная табличка: «Зубной врач. Круглосуточно. Бесплатно», – и поднялись на крыльцо. Смахивая веником снег с сапог, я почему-то оглянулся и увидел, что на той стороне улицы идет человек в тулупе с поднятым воротником, в больших валенках, с рыбацким сундучком и пешней за спиной.

Опять все тот же рыболов!

После ужина мы позвонили домой, рассказали маме, как провели день, сказали, что бабушка очень нам рада и просит, чтобы мы погостили у нее подольше, тогда она приведет в порядок все наши зубы.

Мама ответила, что мы молодцы, что нужно слушаться ба-

бушку, и передала привет от папы, который уехал с друзьями на рыбалку.

Бабушка постелила нам на старом, с гудящими пружинами диване и ушла спать, а мы стали топить печку. Принесли из сарая побольше березовых поленьев – они были сухие, твердые и звонкие, – набили полную топку, разожгли огонь и долго сидели у печи, глядя, как вокруг дверцы танцует жаркое пламя.

Разговаривали мы шепотом, под уютный стук веселых ходиков – в виде забавной кошачьей мордочки, у которой в такт маятнику туда-сюда стреляли шкодливые глазки.

Алешка пошуровал кочергой в печи и сказал:

– Сначала нужно пробраться в дом и все там обыскать. И часы послушать.

– Сам знаю. А как?

– Очень просто. Пожар устроим. – Видно, на эту ясную мысль его навела печка. Агрессор какой-то. – Не настоящий, не бойся.

Ну да, временный. До приезда пожарных.

– Ты у них за задним забором разведешь костер. Дымный. И заорешь: «Пожар! Горим!» Они все выбегут тушить, а я – в дом. Пока они разберутся, я все разведу. Они вернутся и...

– И за уши тебя схватят. Не пойдет. Давай лучше мирным путем.

– Мирным? – удивился Алешка. – Это как? Придем и спросим: «Куда вы спрятали коллекцию художника Кусаки-

на?»

– Собакина, – поправил я.

– Какая разница!

Я не ответил, подошел к вешалке и выгреб из карманов наши финансы. Пересчитал.

– Подкупить хочешь? – заинтересовался Алешка. – У меня еще три рубля есть. Хватит?

– Хватит, – сказал я. – Слушай, что мы сделаем...

Глава V

ВСЕ НАОБОРОТ. И ДАЖЕ ХУЖЕ

Утром мы напились чаю с вареньем, взяли санки для отвода бабушкиных глаз, спрятали их в соседском сарае и пошли лесами в Кратово.

Машина директора стояла у магазина. Значит, он здесь, а не дома. Это способствовало осуществлению нашего плана.

В газетном киоске я купил несколько разных авторучек, недорогой блокнот и красивый пластиковый пакет. Сложил в него авторучки. Потом мы пошли по торговым рядам и нашли лоток, где торговали именными значками. Я выбрал какой-то поярче, это был «Витя», и прицепил его к куртке на самое видное место.

Алешка отступил немного, осмотрел меня критически, склонив голову к плечу, и сказал:

– Годится! Похож.

И мы пошли знакомой дорогой к дому с железным конем на крыше.

Со вчерашнего дня ничего вокруг не изменилось. Такой же снег на дороге, на деревьях и крышах. Те же рыбаки на речке. Может, они и в самом деле превратились в ледяные призраки, а никто об этом не догадывается? Вот и знакомый дом с конем на трубе, из которой сочится в небо белый ды-

мок.

– Ты с ними поостороже, – напутствовал меня Алешка, – понахальнее.

Я отворил калитку, расчищенной дорожкой прошел к дому, деловито помахивая пакетом, поднялся на широкое крыльцо и длинно позвонил.

Дверь почти сразу распахнулась. На пороге стояла высокая женщина в переднике и с щеткой от пылесоса в руках. Типичная домохозяйка, как говорит Карлсон.

– Чего тебе? – рявкнула она, смерив меня с головы до ног недовольным взглядом.

– Здравствуйте, – вежливо сказал я. – У вас дети есть?

– Что? – Она так удивилась, будто впервые услышала это слово.

– Дети, – доходчиво разъяснил я. – Школьного возраста.

– Нет. – Домохозяйка взялась за ручку, собираясь захлопнуть дверь.

– А взрослые? – поспешил я.

– Школьного возраста? – растерялась она.

Но я не дал ей опомниться, мельком показал на свой значок и затараторил:

– Я представитель фирмы «Витя-плюс». Мы проводим благотворительную акцию в рекламных целях.

Вот тут она немного заинтересовалась. Кто ж халяву не любит, в натуре?

– У меня есть образцы первоклассных авторучек. Вы мо-

жете выбрать из них три, и в количестве десяти экземпляров каждый мы представим вам сегодня же в качестве приза. Согласитесь, что авторучка – это предмет первой необходимости. Их всегда не хватает, – частил я, – или они отказывают в нужный момент. А ручки нашей фирмы никогда не отказывают, и их всегда хватает... И они всегда под рукой.

– Ну, покажи, – перебила меня домохозяйка и посторонилась, пропуская в дом.

Я вошел в прихожую, по-ихнему – холл, достал несколько ручек и стал черкать в блокноте.

– Обратите внимание, какой густой цвет у наших стержней. Как у хорошего фломастера. Линия равной толщины по всей длине. Одна ручка рассчитана на десять километров непрерывной строки...

– Постой, – прервала она меня. – Котлеты горят. – И, отложив щетку, помчалась на кухню.

Что мне и было надо!

Я побежал за ней, продолжая болтать на ходу и зыряка глазами по сторонам.

Так мы проскочили весь дом насквозь, но ничего особенного я не заметил. Кроме того, что в большой комнате на одной из полок теснились аудиокассеты. Все, как одна, марки «ТДК». Но это еще не улика. Даже не косвенная.

Перевернув котлеты, мы стали возвращаться к исходной позиции. Но я, будто машинально или заблудившись, свернул в большую комнату и, сразу пристроив блокнот на сто-

ле, стал рисовать в нем подряд всеми ручками, расхваливая каждую, будто сам их сделал. На уроке трудового воспитания.

И тут раздался бой часов. Точь-в-точь, как на кассете.

– Ой! – сказал я с восторгом. – Какие красивые часы! – И подошел к ним поближе.

Часы стояли между двух окон. А над ними висела какая-то странная картина, изображающая знаки препинания.

– Старинные! – похвалилась домомучительница – как я ручками. – Им двести лет, а все ходят. Только бьют невпопад.

Это верно. Стрелки показывали десять, а часы пробили тринадцать раз. Час дня, значит, по-ихнему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.